АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Г.В. Мальцев

О ФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУТОВ ПРАВА

МАЛЬЦЕВ Геннадий Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного строительства и права РАГС (e-mail: mal@ur.rags.ru)

Аннотация. *В статье рассмотрены проблемы формирования юридических институтов права в современных условиях; роль государства в экономическом и социальном развитии общества, идеологическая сущность либертарианства, утрата национальным государством его международно-правовой субъектности.*

Ключевые слова: *юридические институты, экономический институтогенез, либертарианская идеология, приватизация государственных функций, оптимизация экономических программ государства.*

Ключевая проблема образования институтов права в развивающемся обществе состоит в обеспечении легитимности субъектов процесса, то есть юридического институтогенеза. Она требует определенности в отношении тех, кто должен создавать институты, кто участвует в их конструировании, кто отвечает за качество институтов и надлежащее их функционирование в общественной жизни. Социальные и главным образом экономические институты появляются в результате усилий многих социальных субъектов, но в целом речь идет об институциональном творчестве различных структур гражданского общества, выступающих в качестве субъектов, которые создают социальные институты. На этом фоне следует выделить *юридический институтогенез*, субъектами которого могут выступать государство и государственные органы, наделенные полномочиями принимать законы, издавать нормативные правовые акты, содержание которых сводится к установлению того или иного правового института.

Сегодня юристы не могут оставаться в стороне от развертывающихся во всем мире дискуссий о судьбе государства в эпоху глобализации, носящей по преимуществу экономический характер, в особенности – по вопросу о значении государства в образовании новых экономических институтов. Нынешнее положение дел, как и прежде, определяет экономическую политику и формирует законодательство, создает и контролирует действие экономических институтов в публичных интересах, то есть в рамках институтогенеза государство, претендующее на демократизм, объективно выступает в качестве *представителя всего гражданского общества*.

Почти весь XX век прошел под знаком усиления экономической роли государства не только в существовавших тогда социалистических системах, но и в странах с давними рыночными традициями, отношениями капиталистического типа. Полуанархический, ковыляющий от кризиса к кризису капитализм, утвердившийся после буржуазных революций, уступил место более организованной и управляемой экономике, руководителем которой становилось государство, возвысившееся над частным сектором и частными инициативами. Оно «обросло» множеством экономических и социальных функций. Сменился облик государства: из «ночного сторожа» оно превратилось в «государство всеобщего благоденствия», «социальное государство» с широковещательными программами, целями и вместе с тем с жесткими формами социального контроля. Появились методы государственного управления и регулирования экономических процессов, высокозатратные проекты, социальные программы, государственный сектор экономики и др. В области образования экономических институтов государство, естественно, играет все активные роли – участника, организатора, контролера, «дирижера», руководителя. Высокая «экономическая миссия» государства для своего времени оказалась весьма продуктивной: капитализм вышел из состояния перманентных кризисов, пережил Вторую мировую войну. Ни одно послевоенное «экономическое чудо» в мире не состоялось бы без государства как лидирующей экономической силы.

Сегодня положение изменилось: «экономическая миссия» государства подвергается ожесточенной критике, по крайней мере, с двух сторон. Одни считают ее недостаточно активной и, будучи принципиальными сторонниками доктрин государственного вмешательства в экономику, требуют инноваций, институциональных трансформаций, современных форм сотрудничества государства с частными корпорациями, новой стратегии и тактики воздействия государства на хозяйственную жизнь.

Другие исходят из того, что практика регулирования экономики со стороны государства не оправдала себя; все экономические и социальные функции, которыми ныне располагают государственные органы и чиновники, должны быть у них изъяты и для более эффективного использования переданы частным структурам. Разработка экономической политики и законодательных основ экономических связей должна быть передана

в руки частного бизнеса, практиков и профессионалов, которые лучше, чем представители какого-либо другого слоя общества, знают, как надо вести дела, чтобы добиться успеха. Те, кто стоит на этих позициях, вытекающих из так называемой *либертарной* или *либертарианской идеологии*, выступают за вытеснение государства из экономики и, разумеется, из сферы экономического институтогенеза.

Идеологическая сущность либертарианства, может быть, еще не до конца понята российской общественностью, которая столкнулась с этим западным направлением экономической и политической мысли полтора-два десятилетия назад. Дело в том, что реформы, осуществленные в постсоциалистической России, являются ничем иным, как попыткой реализовать *либертарианский проект экономического развития,* проект экспериментальный, поскольку ни в одной экономически развитой стране мира он не был осуществлен и вряд ли будет. Было бы неправдой утверждать, что либертарианская экономика является свободным выбором России. Большинство российских граждан до сих пор не имеет о ней четкого представления, да и вопрос о выборе экономического пути с участием широкой общественности не обсуждался. В соответствии с основной установкой либертарианизма на вытеснение государства из экономики реформы начинались с борьбы против «командно-административных» методов государственного руководства экономикой, продолжены и дополнены демонтажом структур и функций органов государственного управления экономикой, затем переместились в институциональную плоскость, вызвав появление институтов разгосударствления, приватизации, дерегулирования, финансовой либерализации и т. п. Институциональные трансформации этого периода выстраивались по линии противоборства с государством как организатором экономических процессов.

Приватизация определяет смысл реформ в либертарианском стиле. Она, собственно, и стала центральным звеном институциональных трансформаций в России, в ходе которых решались не столько экономические, сколько политические и идеологические задачи[1]. В российских условиях приватизация, помимо демонтирования институтов социалистической системы хозяйствования, преследовала и более сложную задачу – сдвинуть государство с его тогдашних экономических позиций, расширить поле частнопредпринимательской деятельности. Парадокс заключался в том, что реформы экономических институтов, проводимые «сверху» под эгидой государства, стали своего рода «самоотречением», его «добровольным отказом» от активной экономической роли в пользу моментально образовавшейся (в ходе тех же реформ) узкой группы крупных частных собственников. «Если абстрагироваться от конечных результатов, то у нас формировались институты и механизмы, но обслуживали они не государственные

[1] См.: *Кушлин, В.И.* Траектории экономических трансформаций. – М., 2004. – С. 69–71.

интересы, а интересы олигархов, тех кругов, которым интересы народа не совсем понятны»[1]. Эти шаги мотивировались довольно просто. «Основной аргумент: частные собственники используют ресурсы с большей заботой и эффективностью, чем государство, отсюда и реальная выгода – более высокая экономическая эффективность»[2]. Приватизация государственной и муниципальной собственности направлена на ликвидацию общественного сектора производства в интересах частного предпринимательства, но либертарианцы ставят вопрос широко и перспективно, говорят о *приватизации государственных функций*, что означает, в конечном итоге, «разгосударствление государства». Но почему это должно произойти?

Государству, полагают некоторые либертарианцы, необходимо уйти из экономической жизни (и вообще в перспективе исчезнуть), потому что, будучи крупной политической организацией, имея громадную власть над людьми и экономическими ресурсами, оно становится тормозом для роста экономики. Оно не способно эффективно распорядиться возможностями свободного рынка, сплошь и рядом накладывает административные оковы на свободу частнопредпринимательской деятельности, часто и некомпетентно вторгается в саморегулирующуюся систему хозяйственных отношений. Продуктивные решения в экономической сфере могут принимать только частный бизнес и его организации, полностью погруженные в рыночные дела, акции и сделки, способные осваивать необозримые массивы экономической информации, непосредственно заинтересованные в успешном ведении этих дел.

Либертарная концепция приватизации государственных функций базируется на следующих основных постулатах: а) у современного государства нет таких экономических и социальных функций, которые частный бизнес не смог бы осуществлять лучше; б) приватизация государственных функций отвечает интересам общества, потому что только предприниматели, а не чиновники, способны сделать общество богатым; в) конкуренция между частными организациями (корпорациями) будет более успешно решать задачи социального контроля, которые сегодня лежат на государстве. Частные лица будут присматривать друг за другом, и этого достаточно, чтобы в обществе «сознательных» бизнесменов соблюдались общие интересы.

Если, как предлагают либертарианцы, из процессов образования экономических институтов исключить политически организованные и юридически обеспечиваемые механизмы, то как будет осуществляться институтогенез без государства? Через систему взаимных соглашений частных лиц и организаций, отвечают они. В ряде их публикаций набрасываются эскизы будущего безгосударственного общества, в котором все обще-

[1] Государство и экономика. Факторы роста. – М., 2003. – С. 32.

[2] *Боуз, Д.* Либертарианство: история, принципы, политика. – Челябинск, 2005. – С. 249.

ственное вытеснено частным элементом. Примером может служить книга известного американского экономиста М. Ротбарда «К новой свободе. Либертарианский манифест», опубликованная в 1978 г. В ней представлена картина общества, где господствуют не только частная экономика (приватизировано абсолютно все – улицы, перекрестки, светофоры, скверы, лужайки и т. д.), но и частное правосудие, частные службы безопасности, частные законы и частная дипломатия. Как в таком обществе будут приниматься «законы»? Заинтересованные лица и организации соберутся в одном месте и договорятся о правилах поведения в отношении друг друга, к ним могут присоединиться все желающие. Те, кого эти правила не устраивают, могут найти другую группу и выбрать другие законы либо жить вообще без законов, если смогут. Судебные правила и процедуры устанавливаются по соглашению судов. Обращение в частный суд предполагает заключение контракта между судьей и истцом с обязательством последнего подчиниться судебному решению. Если все же суд А вынесет решение в пользу ответчика, то истец, считающий себя ущемленным, может обратиться в частный суд В, надеясь на благоприятный исход дела. Когда два суда приходят к разным решениям, они могут придти к соглашению по взаимной договоренности либо один из участников процесса переносит дело в третейский суд[1]. Подобного рода футурологические «прозрения» либертарианцев были встречены в 70–80-е гг. либералами многих направлений весьма скептически, они квалифицировались как «анархокапитализм» с элементами социальной утопии.

Вообще либертарианская идеология насквозь проникнута идеализацией частной собственности и частного предпринимательства, в которой при желании можно усмотреть почти религиозную, истовую веру в их историческую миссию либо наивный предрассудок, будто во всем «частном» кроется «источник благодати» для человечества. От такой идеализации свободны или от нее своевременно излечились другие направления современной либеральной мысли (классический западный либерализм, эгалитаризм, коммунитаризм и др.), так что в сравнении с либеральной классикой либертарная точка зрения вполне закономерно определяется многими западными исследователями как экстремизм, социальная утопия или даже «ересь».

Либертарианизм иррационален особенно в плане отношения к частной экономике и государству; в нем много неясного, недоказанного, спорного. Вот почему его представителям до сих пор не удавалось убедить политических деятелей, пришедших к руководству той или иной страной, принять широкую программу приватизации государственных функций, передать экономические, природные и иные ресурсы в полное ведение саморегули-

[1] *Rothbard, M.* For a New Liberty. The Libertarian Manifesto. – N. Y., 1978. – P . 225–227; *Newmann, S.L.* Liberalism at Wit's End. The Libertarian Rewolt against Modern State. – Ithaca and London, 1984. – P . 86–87.

руемых частных организаций, ограничивать государственное регулирование и активность государства в экономической сфере. Бывает, что западные правительства (США, Англия, некоторые страны Европы) учитывают отдельные либертарианские рекомендации, особенно монетаристского характера, при осуществлении финансовых, налоговых и иных мер, но государственные программы развития экономики формируются, как правило, под влиянием либеральных идеологий, занимающих более умеренные позиции в отношении экономических функций государства. Вольно или невольно возникает впечатление, что Россия, по-видимому, готовится стать *первым капиталистическим государством,* которое намеревается строить экономическую политику на либертарианских, монетаристстких основаниях. Правда, речь идет пока еще о тенденции, которая, однако, заявила о себе всерьез на уровне государственных документов, нормативных правовых актов.

Напомним, что в числе приоритетных направлений административной реформы в 2003–2004 гг. были названы ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования, развитие системы саморегулируемых организаций в области экономики и т. п. Аналогичные приоритеты мы встречаем в официальных программах социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003–2005 и 2005–2008 гг.): «самоограничения государства с целью сокращения неэффективного вмешательства в экономику и социальную сферу», «отказ от излишнего вмешательства государства в экономические процессы, в том числе через регулятивные функции, государственную собственность, естественные монополии, несовершенные институты социальной сферы, которые в подавляющем большинстве случаев продолжают контролироваться государством». Но кто мешает правительству вести дела так, чтобы не было неэффективного, излишнего вмешательства, а было только необходимое, продуктивное, своевременное государственное регулирование экономических процессов? Именно этого ждут граждане от правительства, они вряд ли могут удовлетвориться его попытками обосновать свое право на бездействие, право не делать того, что государству положено делать по конституции и законам и что постоянно делают другие государства, всемерно содействующие продвижению национальной экономики. В программах, которые мы упомянули, кроме всего прочего, поставлен вопрос о необходимости «ввести презумпцию нецелесообразности государственного регулирования в той или иной сфере». Непонятно только, как совместить эту странную презумпцию с тем обстоятельством, что государственное регулирование социально-экономических и иных процессов в общей форме и на институциональном уровне юридически закреплено в Конституции и законодательстве Российской Федерации. Ставить вопросы, решение которых дано в нормативных правовых актах,

в зависимость от свободного усмотрения, презумпций и приоритетов по выбору государственных органов и должностных лиц – значит открыть путь возможным антиконституционным и противозаконным действиям. Так выглядят сегодня многие акции, отвечающие курсу на сокращение и приватизацию государственных функций, ограничение вмешательства государства в экономику и т. д.

При наличии подобных «трендов» важно не скатиться к анархии, тому самому «анархокапитализму», который логически находится в конце названного направления и которого всерьез опасаются сами западные либералы. В ответ на увлечение либертарианскими идеями некоторых международных финансовых организаций и правящих элит некоторых стран, включая Россию, растет сопротивление этим идеям со стороны общественности, представителей экономической науки, определенных политических сил. Отрицательной, чисто негативной установке на вытеснение государства из экономики, на приватизацию его функций можно противопоставить позитивную стратегию оптимизации экономических программ государства. Требование «государства должно быть как можно меньше» в качестве общего лозунга – это типичное пустословие. Разве не очевидно, что присутствие государства в различных секторах экономики не равномерно, а его регулирующее воздействие на эти сектора не может быть одинаковым: где-то его нет и не должно быть, где-то его много, но должно быть меньше, где-то его мало, но должно быть больше, словом, общей формулы тут не существует. Поэтому механическое урезывание экономических функций государства, равно как и произвольное их увеличение, неизбежно приводит реформаторов к крупным просчетам. Этих функций у государства должно быть не много и не мало, но столько, сколько нужно. Некоторые из них могут выполняться только государством. Каким бы развитым ни было гражданское общество, оно никогда не утратит нужду в особой политической организации, способной решать крупные экономические и социальные проблемы универсального характера, охватывать единой системой регулирования и управления все элементы общества, придавать им согласованный вид. Если допустить, что либертарианские призывы покончить со всесилием государства, упразднить его экономические и социальные функции возымели действие, то легко представить, что место исчезающего или упраздненного государства тут же займет какая-то крупная частная организация или организации, действующие как государство, но абсолютно безответственные перед обществом.

Точно также мы можем вообразить самые широкие возможности саморегулирующегося рынка, но последний никогда не сможет полностью решить проблемы собственной экономической безопасности, социальной безопасности страны. «Строго говоря, – замечает Л.И. Абалкин, – сама необходимость существования государства обусловлена наличием проблем подобного уровня. Если бы их можно было решать без его участия,

то государство стало бы ненужным»[1]. К таким проблемам относятся социальная политика, промышленная политика, организация инновационных процессов в масштабах национальной экономики, надзор за банковской системой, регулирование валютного курса, осуществление протекционистских мер в отношении отечественного бизнеса и многие другие. Все это вызывает необходимость эффективного государственного вмешательства в современные экономические процессы[2]. В XXI столетии можно ожидать усиления экономических функций государства, связанных с информационными процессами в обществе. Как отмечается в экономической литературе, сегодня государство в его различных институциональных проявлениях уже выступает в качестве ведущего производителя, накопителя и потребителя экономической и научно-технической информации, обладает правом (иногда исключительным) распоряжаться ею[3]. Вследствие возрастающей значимости информационных ресурсов в развитии экономики и необходимости постоянно совершенствовать механизмы распространения информации, использования ее всеми хозяйствующими субъектами, надо полагать, что экономическая роль государства будет прирастать.

В обозримом будущем государство незаменимо в качестве основного фактора формирования в стране деловой среды, которая характеризуется не только реальным поведением экономических агентов на рынке, в обществе, но и создаваемой посредством экономической политики и законодательства общей атмосферой подъема, новаторства и энтузиазма, уверенности в том, что полезные инициативы и честное предпринимательство имеют большое будущее. Хотя это обстоятельство почти всегда остается за пределами экономического анализа, оно имеет огромное значение для формирования смыслообразующих мотивов хозяйственной деятельности. Будь сегодня в нашей стране мажорная деловая среда, внушающая оптимизм и уверенность, мы имели бы инвестиционно привлекательную экономику. Тогда мы увидели бы, что иностранные компании охотно вкладывают деньги в российские экономические проекты, а не то, как отечественные предприниматели в массовом порядке вывозят свои приобретенные в России капиталы за рубеж. Сам частный бизнес не способен создать благоприятную деловую среду, если даже некоторые слои добросовестных предпринимателей стремятся к этому; здесь необходимо участие множества внеэкономических факторов, нужны усилия государства, продиктованные заботой об экономической безопасности страны и благосостоянии народа. По-настоящему творческая деловая атмосфера может существовать только в *обществе социальной справедливости,* где каждый экономический агент, он же социальный «актор», он же субъ-

[1] *Абалкин, Л.И.* Россия: поиск самоопределения. Очерки. – М., 2002. – С. 89.

[2] См.: *Львов, Д.С.* Экономика развития. – М., 2002. – С. 268.

[3] Инновационный путь развития для новой России ; под ред. В.П. Горегляд. – М., 2005. – С. 40.

ект права, может рассчитывать на свою долю вознаграждения и признания в соответствии с действующими институтами рынка, которые связывают производство, обмен, распределение и потребление в одно органическое целое. В законодательной сфере социальная справедливость может выразиться в том, что государство должно стремиться к установлению равного правового статуса для отечественных и иностранных предпринимателей, одинаковых для них гарантий и условий конкуренции, единого для них режима правового регулирования.

В России в первые годы реформ определилась сомнительная линия на создание экономических и правовых институтов, рассчитанных специально на действующий в стране иностранный капитал (законы об иностранных инвестициях, о разделе продукции и др.). Льготы и особые гарантии, устанавливаемые для иностранных инвесторов в целях стимулирования притока инвестиций из-за рубежа, являются по существу нерыночными институтами; их можно рассматривать как приз или подарок иностранцам за добрые намерения участвовать в развитии российской экономики. Нельзя не согласиться с мнением, что сегодня «для создания конкурентной среды в инвестиционном бизнесе не требуются особые условия привлечения иностранных инвестиций, а, следовательно, и принятие специального закона об иностранных инвестициях»[1]. Верно и то, что имущественные права иностранных инвесторов в России, как и в других странах, могут быть защищены средствами международного права. Однако целесообразность усилий современного государства, направленных на создание социально справедливой экономики, оспаривается теми же либертарианцами. Эта принципиальная ошибка иллюстрирует их неспособность решить проблему мотивации экономической деятельности большинства нормальных людей, не укладывающихся в образ homo economicus, не одержимых страстью к доходам и богатству, склонных предпочитать некоторые нематериальные ценности экономическим целям. Тип личности, противоположный «экономическому человеку», иногда называют homo institutius[2], чем подчеркиваются его принадлежность и особая роль в институциональном мире в отличие от homo economicus. Так или иначе, но тема поведения экономического агента в определенной институциональной среде заслуживает пристального внимания исследователей.

Главное, что можно сегодня сказать о либертарианском учении, согласно которому государство подлежит вытеснению из экономики, а его институциональное творчество сокращается либо сводится к нулю, состоит в том, что оно устарело, потеряло ту долю видимой убедительности, которой обладала еще в 70–80-е гг. Если мы спросим, какой тип государ-

---

[1] *Хабриева, Т.Я.* Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Правовое обеспечение национальных интересов. Материалы международной научно-практической конференции. – М., 2005. – С. 19.

[2] См.: *Клейнер, Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М., 2004. Гл. 2. – С. 225–226.

ства отвергали предтечи и основоположники либертарианства (Л. фон Мизес,Ф. фон Хайек, М. Фридман, М. Ротбард и др.), кого они называли врагом экономического роста, то ответ таков: имелось в виду «государство всеобщего благоденствия» (welfaire state), детище кейнсианского неолиберализма, «нового курса» и программ государственно-монополистического регулирования. Но этого государства, которое – обоснованно или нет – подвергалось критике за неэффективность, расточительность ресурсов, бюрократизм и т. п., сегодня практически нет в большинстве капиталистических стран. Говоря словами французского политического деятеля социалиста М. Рокара, в Западной Европе произошел «переход от государства-производителя к *государству регулирующему,* от государства-покровителя к *государству наблюдающему,* от государства всемогущего к *государству-участнику»*[1]. Если в самом деле так, то это означает переворот во взаимоотношениях государства и граждан: власть отказывается от политики патернализма, прекращает опеку неимущих и малоимущих слоев населения. Она просто следит за тем, как обеспечиваются интересы данных слоев усилиями самого гражданского общества. Деятельное участие *регулирующего государства* заключается в том, что оно ничего не обязано делать само, но, опираясь на активность структур гражданского общества и населения, должно, во-первых, обеспечивать условия социальной безопасности в области соблюдения свобод, охраны здоровья, пенсионных систем и страхования и т. п., во-вторых, поддерживать структуры, с помощью которых закладывается будущее в области образования и науки. Сменив роль производителя на участника, а покровителя на наблюдателя, регулирующее государство перестает быть государством социальным.

Либертарианская критика по инерции направлена на капиталистическое государство, которое в социальном и функциональном плане стало совершенно иным, поэтому данная критика во многих отношениях беспредметна. Как утверждают либеральные экономисты, сдвиг *от управляющего государства к регулирующему* означал отказ от методов прямого руководства, управления экономикой через государственную собственность и государственный сектор хозяйствования (этим увлекались некоторые западные страны после Второй мировой войны) в пользу более широкого применения методов косвенного государственного регулирования экономики. В то же время государство в известном смысле сохраняет функции управления гражданским обществом, но осуществляет их как бы извне, устанавливая для него нормы, правила, поддерживая ориентиры на публичные интересы и общественное благосостояние. «В прошлом считалось, что для государства нормально еженедельно или даже ежедневно менять правила. Это касалось режима торговли, обменного курса, налогов – практически всего. Сейчас создается новый режим, когда государство ограничивает себя не-

[1] *Рокар, М.* Трудиться с душой. – М., 1990. – С. 191.

сколькими базовыми экономическими принципами и позволяет населению работать в рамках этих принципов»[1].

Отчасти данные тенденции отвечают некоторым рекомендациям либертарианизма, но они не подтверждают его правоту. Прежде всего, о каком-либо вытеснении государства из экономики не может быть и речи, ведь корректируются функции и методы государственного регулирования, но не пересматривается его роль в экономике. В научной литературе, трудах западных экономистов доказывается несостоятельность излюбленных либертарианских постулатов – о высшей ценности частной собственности, приоритете всего «частного» над общественным и коллективным, о приватизации как безусловной гарантии экономического роста, о homo economicus как идеальном экономическом агенте, о невозможности экономического планирования и т. д. Большинство экономистов не поддержали атаку против государства. Многие их них убеждены, что государственные предприятия не обязательно менее эффективны, чем частные, потому что успех тех и других зависит, в конце концов, не от формы собственности, а от наличия конкурентной среды, информационного обеспечения, которое должно быть максимально надежным и полным. Дж. Стиглиц замечает: «…нет неоспоримых теоретических аргументов в пользу того, что крупные частные организации решают эти проблемы лучше», «условия, при которых приватизация с неизбежностью приводит к повышению благосостояния, чрезвычайно ограничены». Это, в сущности, подтвердил российский опыт приватизации государственной и муниципальной собственности. В России она оказалась растянутой по времени, проводилась нередко в два-три тура (так называемые переделы собственности), приняла невиданные в мире масштабы, принесла колоссальные издержки. Хотя возраст российских реформ солидный (они идут уже второе десятилетие), обещанное реформаторами социальное благополучие пока не наступило.

Итак, современному капиталистическому государству удалось адаптироваться к экономическим реальностям XXI века в большей степени, чем предполагали идеологи либертарианизма. По их расчетам, процессы глобализации, то есть формирования единой мирохозяйственной системы, должны привести сначала к *угасанию принципа государственного суверенитета на международной арене*, а в перспективе – к утрате национальным государством его *международно-правовой субъектности,* своей роли в мировой политике, которая перейдет к международным экономическим организациям, транснациональным корпорациям. Действительный ход глобализации едва ли подтверждает эти прогнозы. Поскольку организации частного бизнеса одной страны или ряда стран, стремящиеся занять достойное место в формирующейся системе мирово-

[1] *Дорнбуш, Р.* Макроэкономическая стабильность и структурные реформы // Очерки о мировой экономике. – М., 2002. – С. 67.

го хозяйства, действуют в условиях жесткой конкуренции, они вынуждены искать поддержки у национальных государств, усиливать себя политически. Сегодня успех крупной национальной либо транснациональной фирмы на международной арене зависит как от ее удачных экономических действий, так и от политического (внешнеполитического) сопровождения данных действий, причем от последнего, вероятно, в большей мере. Если можно спорить о том, насколько предпринимательские слои свободны от государства внутри страны, то *распространение новых форм зависимости частного бизнеса от государства во внешнеполитической сфере* – очевидный факт. Смог бы американский национальный капитал добиться своего нынешнего положения в мировой экономике, если бы за ним не стояло правительство США – сильного государства в современном мире? Лидеры государств на формальных и неформальных встречах, представители государств в международных органах отстаивают национальные интересы при выработке институтов системы мирохозяйственных связей, тем самым добиваются лучших условий вхождения национального капитала в мировую экономику и пребывания его в этой системе. Таков смысл глобализационного движения: оно соединяет, объединяет страны, интегрирует их экономические усилия и ресурсы, но ничего не дробит, не смешивает, не обезличивает. Не будем забывать, что глобализация осуществляется на базе капиталистических отношений, которые, как известно, обостряют у людей способность отличать свое от чужого, отечественное от зарубежного. В XXI веке, видимо, усилится процесс формирования международных норм и правил, экономических и правовых институтов, обязательных для стран, не желающих оставаться в стороне от глобализации. В этой связи на государство падает основной груз *договорной работы на интернациональном уровне.* Разработка, согласование и принятие интернациональных институтов через механизмы международных организаций, внешнеэкономических связей становятся критерием оценки экономической активности национального государства.

Список литературы

Абалкин, Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. – М., 2002.

Боуз, Д. Либертарианство: история, принципы, политика. – Челябинск, 2005.

Инновационный путь развития для новой России ; под ред. В.П. Горегляд. – М., 2005.

Кушлин В.И. Траектории экономических трансформаций. – М., 2004.

Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Правовое обеспечение национальных интересов. Материалы международной научно-практической конференции. – М., 2005.

© Мальцев Г.В., 2009